

Учредители:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

ЗАИКИН Н.П.

Редакционная коллегия:

БАЖУТОВ С.А.,
БЕССАРАБОВ В.Г.,
БОЧКАРЁВ С.А.
БРУСНИЦЫН Л.В.,
ВИННИЧЕНКО Н.А.,
ИСАЕНКО В.Н.,
КЕХЛЕРОВ С.Г.,
МАЦКЕВИЧ И.М.,
МЫЦЫКОВ А.Я.,
СУБАНОВА Н.В.,
ХАЛИУЛИН А.Г.,
ЯНИ П.С.

Набор и вёрстка

ТИМЯНСКАЯ М.В.

Редакция журнала

ул. Новодмитровская, 5а,
строение 1
Москва
Индекс 127015.

Тел./факс: (495) 685-09-42

E-mail:

pressazakon@yandex.ru

Подписано в печать

28.03.2025

Формат 70 x 108 1/16.

Бумага кн.-журн.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 5,6.

Усл. кр.-отт. 5,93.

Зак.

Тираж 3000.

Отпечатано в ОАО

«Первая Образцовая типография»
Филиал

«Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Сайт: www.chpd.ru

E-mail: sales@chpk.ru

Тел.: 8 (495) 998-63-87

© «Законность», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Теория и практика прокурорского надзора

- А. ИЛЬЯКОВ** – Работа органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции **3**
- Ю. КАРПЫШЕВА** – Возможность применения прокурором полномочий по надзору за исполнением законов в дистанционной форме **8**
- М. РУБЦОВА** – Надзор за исполнением законодательства о безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта **12**
- В. ОМЕЛЬЯНОВИЧ** – Особенности прокурорской проверки конкурсного отбора спортивных кадров **17**

Исследования, полемика, предложения

- А. ЩЕЛКАНОВ, А. МЕНЩИКОВ** – Взаимодействие прокуратуры и института государственного и муниципального управления **23**
- И. КУЗЬМИН** – Понятие, сущность и система правовых наказаний: теоретические модели и практические подходы (по материалам социологического опроса прокурорских работников) **26**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Разъясняем, комментируем, анализируем

- П. ЯНИ** – Насильственный захват объектов бизнеса: вопросы квалификации **34**
- А. КУНАШЕВ** – Хулиганские действия на транспорте: актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации **38**
- Д. БОКОВ** – Вооружение лица в целях осуществления террористической деятельности **45**

Исследования, полемика, предложения

- А. КУЛИКОВ, О. ШЕЛЕГ** – Институт посредственного причинения **50**
- Т. КОТЕНЕВ** – Взаимосвязь норм о специальных соучастниках и соучастии особого рода (sui generis) в Особенной части УК РФ с институтом соучастия **54**
- В. КОНОВАЛОВ** – Реализация принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности **57**
- А. НАДИН** – Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК): проблемы правоприменения **60**
- Р. КРАВЧЕНКО** – Проблемы разграничения совокупности получения взятки от нескольких лиц и продолжаемого преступления **64**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Исследования, полемика, предложения

- Н. ПОКЛОНСКАЯ, А. СУХОДОЛОВ** – Неопределённость правового статуса потерпевшего по делам частного обвинения о преступлениях против здоровья **67**

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

- Информация для системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **72**
- 73**

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

В последнее время в связи с повышенным вниманием к проблеме насилия, и в особенности домашнего насилия¹, особую актуальность приобретают вопросы уголовного преследования по делам частного обвинения.

В связи с этим важно обеспечить такой уровень защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе с помощью уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств, который соответствовал бы не только требованиям Конституции РФ, но и правовым стандартам в этой области, в частно-

сти положениям Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы).

На необходимость повышения эффективности предупреждения насилия вообще и семейно-бытового насилия в частности указано не только в Основах,

¹ См.: *Беляева С.О., Зашляпин Л.А.* Выявление обстоятельств, способствовавших домашнему насилию: понимание, реализация. – *Legal Bulletin*, 2024, № 3, с. 68–76.

но и в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года и в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, утверждённых распоряжениями Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р и от 29 декабря 2022 г. № 4356-р.

Типичными и наиболее распространёнными проявлениями семейно-бытового насилия, предупреждение которого требует активного участия государства, являются побои (ч. 1 ст. 116¹ УК РФ) и умышленное причинение лёгкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК).

Уголовное преследование в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении таких преступлений, согласно действующему законодательству, осуществляется в частном порядке, который не позволяет обеспечить неотвратимость наказания. Безнаказанность порождает вседозволенность и создаёт причины и условия для совершения новых, более тяжких преступлений против личности, является, образно говоря, «рассадником» преступности.

Вместе с тем, по нашему мнению, дела о домашнем насилии соотносятся с делами о преступлениях против личности как философские понятия отдельного и общего в праве. В самом деле, в поисках решения отдельной проблемы домашнего насилия не следует забывать о преступлениях против личности вообще. Согласимся с Д. Керимовым, что задача науки, в частности, в том и состоит, чтобы обнаруживать тот именно уровень общности отдельных явлений, который определяет их сущность: в том, чтобы на соответствующем уровне обобщения устанавливать те основные свойства и черты отдельных явлений, которые характеризуют их общую сущность. Таким образом, в каждом отдельном заключаются предпосылки, стороны, элементы общего, имеющие значение его сущности². Несмотря на различие отдельных категорий преступлений, всем им в силу ч. 1 ст. 14 УК присущи признаки общественной опасности, уголовной противоправности, виновности и наказуемости. Между тем,

оставаясь преступлениями, одни из них влекут наказание независимо от воли потерпевшего, а другие – только в результате его обвинительной деятельности, а в случае отсутствия таковой остаются безнаказанными, что противоречит сущности преступления. К последним относятся дела частного обвинения. Ещё в 1914 г. Н. Полянский отмечал, что механизм правосудия обнаруживает несправедливость в случае, когда вследствие бездействия обвинительной власти бездействует и суд³.

Обвинение входит как составная часть в понятие уголовного преследования, которое определено законодателем как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК).

Для уяснения сути уголовного преследования по делам частного обвинения полагаем необходимым обозначить состав его участников.

Очевидно, что приведённое в п. 55 ст. 5 УПК определение сформулировано безотносительно вида уголовного преследования и при применении его к уголовному преследованию, осуществляемому в публичном либо частно-публичном порядке, явных противоречий не обнаруживает. Однако при попытке с учётом п. 55 ст. 5 УПК дать определение уголовного преследования по делам частного обвинения неизбежно возникают противоречия, для разрешения которых необходимо определить субъектный и объектный состав частного обвинения.

Субъектами уголовного преследования по делам частного обвинения могут быть только лица, правомочные осуществлять функцию уголовного преследования, выдвижения и поддержания обвинения по делам частного обвинения. Поскольку уголовное преследование и обвинение реализуются лишь в структуре субъектно-объектных отношений, то очевидна невозможность существования в реальном процессе субъекта обвинения (уголовного преследования) без объекта обвинения

² См.: Керимов Д.А. Отдельное, особенное и общее в праве. – Правоведение, 1968, № 6, с. 7–13.

³ См.: Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение. – Юридический вестник, 1914, кн. 6, с. 143–163.

(уголовного преследования) и наоборот. Следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем, что оно соотносится с другим. При этом используемые в настоящее время по делам частного обвинения понятия «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности», «лицо, в отношении которого подано заявление» либо «подсудимый» не могут заменить понятие «объект обвинения (уголовного преследования)», ибо первые два лица не отнесены законодателем к стороне защиты, а последнее лицо (подсудимый) «появляется» лишь после вынесения судьёй постановления о назначении рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. Следовательно, в период с момента совершения преступления и до назначения судебного разбирательства нет объекта обвинительной деятельности, что с точки зрения приведённого в п. 55 ст. 5 УПК определения исключает возможность осуществления уголовного преследования, поскольку такая деятельность возможна только в отношении подозреваемого либо обвиняемого.

Таким образом, при рассмотрении понятия «уголовное преследование по делам частного обвинения» приходим к выводу о том, что при наличии субъекта уголовного преследования нет объекта уголовного преследования.

Праву потерпевшего на участие в уголовном преследовании посвящена ст. 22 УПК, согласно которой «потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Отметим, что в отличие от прокурора, следователя и дознавателя, которые **осуществляют** уголовное преследование (ч. 1 ст. 21 УПК), потерпевший лишь **участвует** в уголовном преследовании (ст. 22 УПК). Более того, ч. 1 ст. 20 УПК, закрепляющая деление уголовного преследования по видам, предусматривает, что даже в частном порядке уголовное преследование **осуществляется**.

Тем не менее в ст. 22 УПК возможность осуществления уголовного преследования потерпевшим не предусмотрена. Закрепление в ст. 22 УПК права потерпевшего **участвовать** в уголовном преследовании, с одной стороны, указывает на совместное или одновременное с кем-либо участие, а с другой стороны, на невозможность единоличного, самостоятельного осуществления исследуемой деятельности.

Последовательное развитие заложенной в п. 55 ст. 5, ч. 1 ст. 20 УПК идеи об **осуществлении** стороной обвинения уголовного преследования диктует необходимость её воспроизведения и в ст. 22 УПК применительно к тем делам, где кроме потерпевшего осуществлять уголовное преследование некому. По утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, для типизации форм действия нужно, чтобы они имели объективный смысл, для чего, в свою очередь, необходима лингвистическая объективация, которая задаёт потенциал общения, порождающий реальность⁴. Однако в ст. 22 УПК при формулировании формы действия потерпевших (**осуществление** либо **участие**) этого сделано не было, что позволяет говорить о возможности неоднозначной интерпретации положений ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК.

В рамках настоящего исследования был поставлен вопрос, вправе ли потерпевший по делам частного обвинения, исходя из положений ст. 22 УПК: а) «участвовать в уголовном преследовании» и «выдвигать и поддерживать обвинение» либо только б) «выдвигать и поддерживать обвинение», но не «участвовать в уголовном преследовании». В целях разрешения указанного вопроса была проведена лингвистическая экспертиза⁵ которая показала, что с лингвистической позиции невозможно определить, вправе ли потерпевший, исходя из положений ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК, участвовать в уголовном преследовании по делам частного обвинения. Обратим внимание на часть текста ст. 22 УПК: «а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном

⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995, с. 337.

⁵ См.: Заключение эксперта (лингвистическое исследование) от 20 ноября 2024 г. №13-35/97/1, выполненное ФГАУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь.

настоящим Кодексом». Анализ ст. 22 УПК позволяет заключить, что конкретизирующая фраза «по уголовным делам частного обвинения», стоящая после сочинительного противительного союза «а», уточняет, что «выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом» потерпевший может только по уголовным делам частного обвинения. Более того, указанная фраза относится ко второй части предложения, а не к обеим, что в синтаксическом плане доказывается её местоположением после противительного союза «а». Сочинительный противительный союз «а», согласно лексикографической интерпретации, несёт противительное значение («подчеркивает контраст, противопоставление между двумя частями предложения») и противопоставляет первую часть предложения второй. В то же время сочинительный противительный союз «а» может нести и присоединительное значение («союз «а» добавляет новую информацию, дополняя уже сказанное»)⁶ – при такой интерпретации вторая часть предложения дополняет первую. На основании этого эксперт пришёл к выводу о том, что из положений ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК не представляется возможным однозначно понять, вправе ли потерпевший участвовать в уголовном преследовании по делам частного обвинения. С лингвистических позиций представленные положения (ч. 1 ст. 20, ст. 22 УПК) позволяют говорить о возможности их неоднозначной интерпретации.

Противоречия между п. 55 ст. 5, ч. 1 ст. 20 УПК, предусматривающими возможность **осуществления** уголовного преследования по делам частного обвинения, с одной стороны, и ст. 22 УПК, предусматривающей лишь участие потерпевшего в уголовном преследовании, с другой стороны, усиливаются неопределённостью самой возможности участия потерпевшего в уголовном преследовании по делам частного обвинения, на что указывают выводы проведённой лингвистической экспертизы. В свою очередь, эти противоречия порождают неопределённость правового статуса потерпевших по делам частного обвинения о преступлениях против здоровья.

К указанным делам относятся дела о домашнем насилии, или, как указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. №13-П, дела о преступлениях, «совершаемых обычно на почве конфликтов межличностного характера, зачастую в сфере внутрисемейных отношений, в общении между родственниками». Это постановление хорошо иллюстрирует то, насколько может варьироваться понимание сущности права потерпевшего на осуществление уголовного преследования по делам частного обвинения. В частности, Бабушкинский районный суд г. Москвы неоднократно возвращал заявления её заявления о привлечении бывшего супруга, с которым она проживает в одной квартире, к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116¹ УК со ссылкой на то, что уголовные дела частного обвинения о преступлениях, предусмотренном ст. 116¹ УК, подлежат возбуждению дознавателем и могут быть рассмотрены районным судом по существу только после проведения дознания и направления уголовного дела с обвинительным актом в суд. Тем самым, по сути, ставилось под сомнение право потерпевшей на самостоятельное осуществление уголовного преследования по делам частного обвинения. С указанными решениями согласился и суд апелляционной инстанции. Были обращения по фактам совершения указанных преступлений в полицию, но постановлениями участковых уполномоченных в возбуждении уголовных дел отказано, разъяснено право обратиться в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения. В конечном итоге, несмотря на активную позицию потерпевшей, сроки привлечения к уголовной ответственности истекли до возбуждения уголовных дел.

Сталкиваясь с серьёзной несправедливостью в части невозможности защитить свои законные права при помощи действующих институтов государства, человек теряет надежду на их эффективность, что может создать условия для подрыва доверия к ним.

Значимым аспектом является ещё и духовно-нравственное понимание потерпевшим важности защищать свои

⁶ Словарь русского языка в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. <https://lexicography.online/explanatory/mas/>

нарушенные права, что требует в делах частного обвинения выхода за пределы собственного опыта, а это под силу не каждому. Так, при осуществлении уголовного преследования в частном порядке (в отличие от публичного) на первый план выходят случайные факторы (неспособность частного обвинителя выдвигать и поддерживать обвинение вследствие юридической неграмотности, отсутствия необходимых организационных, материальных и иных ресурсов), подчиняющие суровую силу закона соображениям неправового характера.

В таких условиях предоставленные государством инструменты правовой защиты должны быть эффективными. Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П, использование диспозитивности в законодательном регулировании производства по делам частного обвинения не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления – доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба.

Полагаем, что право на уголовное преследование по исследуемой категории дел остаётся декларативным ввиду существования института частного обвинения, которым, по справедливому замечанию В. Дорошкова, создана громоздкая бюрократическая процедура для рассмотрения простых дел⁷.

Из сложившейся ситуации видится несколько выходов.

Один из них – дополнение ст. 22 УПК нормой, предусматривающей по делам

частного обвинения безусловное право частного обвинителя (потерпевшего) на осуществление уголовного преследования, которая может быть сформулирована следующим образом:

«Уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения, включая выдвижение и поддержание обвинения, осуществляют потерпевший, его законный представитель, представитель, частный обвинитель, гражданский истец, его представитель».

Другой, более радикальный, и, на наш взгляд, более действенный выход – реализация законодательной инициативы Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума от 6 апреля 2021 г. № 3 об изменении вида уголовного преследования в отношении дел частного обвинения (в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116¹ (в действующей редакции), ч. 1 ст. 128¹ УК) и отнесении их к категории дел частного-публичного обвинения. Как верно отмечено в пояснительной записке к соответствующему проекту федерального закона⁸, особенности частного порядка уголовного преследования, включая фактическое отсутствие стадии предварительного расследования, свидетельствуют о том, что в настоящее время он не согласуется с политикой государства в области обеспечения безопасности личности и противодействия преступности, в том числе предупреждения домашнего насилия.

Н. ПОКЛОНСКАЯ,

советник Генерального прокурора РФ,

А. СУХОДОЛОВ,

судья Херсонского областного суда,

соискатель кафедры уголовного

процесса и криминалистики

Санкт-Петербургского юридического

института (филиала)

Университета прокуратуры РФ.

⁷ См.: Дорошков В.В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном процессе: Монография. М.: МГИМО-Университет, 2019, 418.

⁸ Законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Система обеспечения законодательной деятельности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>